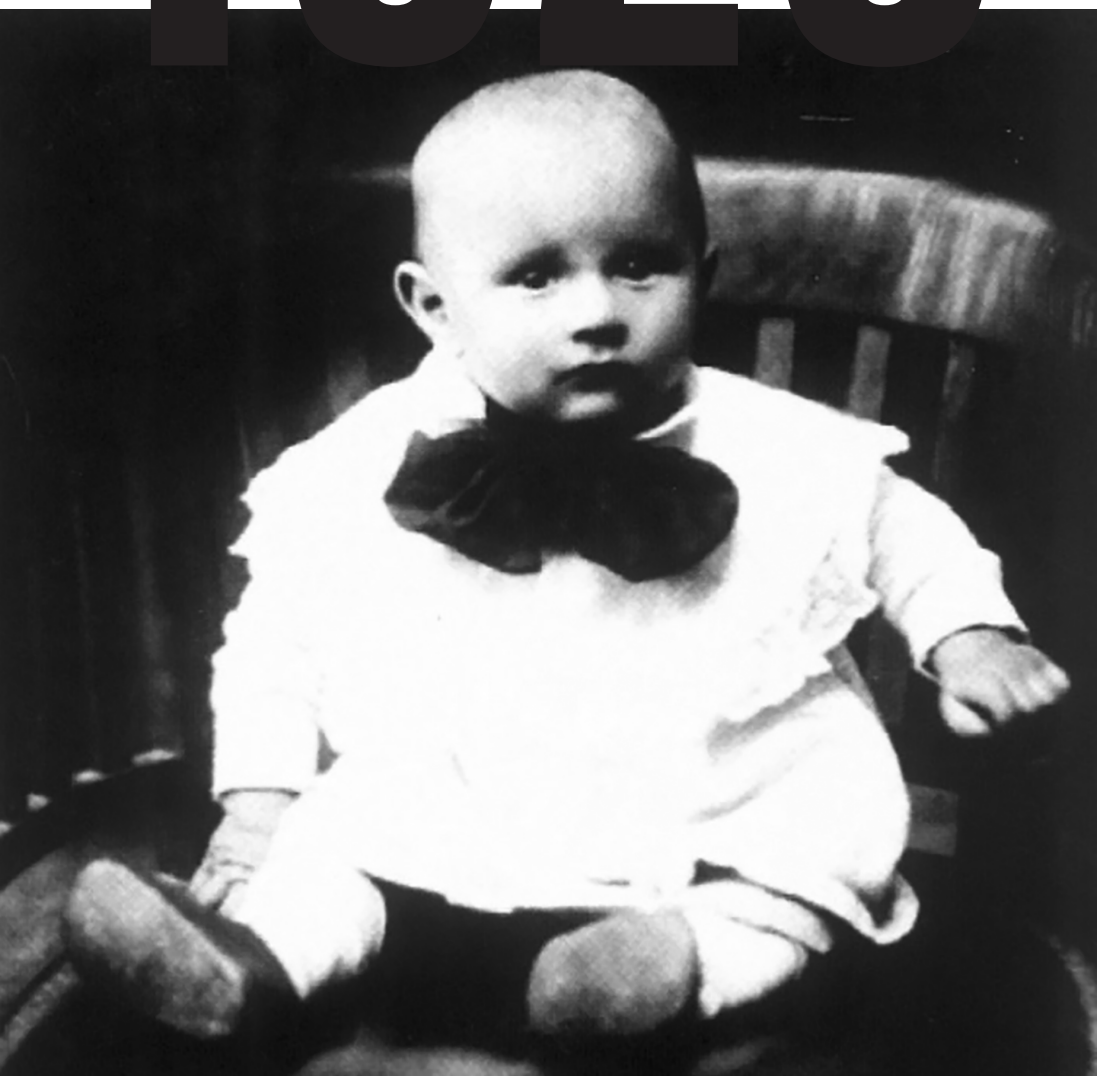

1929

ДЕТСТВО

О детстве Льва Яшина сегодня вряд ли можно найти нечто новое, незнакомое, сенсационное. Другая эпоха, иное время, ушедшие «последние свидетели». А вот поразмышлять над часто повторяемыми, уже привычными и знакомыми фактами, чуть сменив угол зрения, — попробуем.

Итак, будущий великий вратарь родился в Москве 22 октября 1929 года и первые 13 лет провел на Миллионной улице, дом 15, что в бывшем селе Богородском, которое к 1929 году уже входило в черту столицы. Именование Миллионная идет не от того, что там жили толстосумы. Тут скрыта своеобразная народная ирония. Просто в конце XVIII — начале XIX века около тогда еще подмосковного Богородского прокладывали первый для Белокаменной водопровод. Работы длились аж 25 лет и проходили при трех правителях: Екатерине II, Павле I и Александре I. Необходимый же для водопровода мост соорудили немного раньше — в конце XVIII века. Ну, люди и съязвили: «Миллионным» он получился по государственным затратам. По мосту называли и улицу. А мы из дня сегодняшнего заметим: в смысле траты казенных денег традиции у нас живут и побеждают.

Ко времени появления на свет Льва Ивановича история эта конечно же мало кого занимала. Пожалуй, более знакомой для местных жителей виделась улица Краснобогатырская. А как же иначе, если имя она получила от огромного завода «Красный богатырь», на котором работали очень многие здешние обитатели. В том числе и родная мама Льва Анна Митрофановна, а также ее братья и сестры. Жили они все вместе одной дружной семьей в том самом доме 15 на Миллионной улице. Всё рядом: до завода можно и пешком дойти, хотя трамвай ходит до сих пор.

Супруг Анны Митрофановны и, соответственно, отец Льва, Иван Петрович, трудился шлифовальщиком в Тушине, на оборонном авиационном заводе. Но о нем мы поговорим подробнее и позже.

А сейчас вернемся в Богородское, к его улицам и домам. Тем более что тот самый, 15-й, сохранился. Пока. Упорно говорят, что станут сносить. Хотя и доска мемориальная, как полагается, на фасаде прибита. И на доске правдивая запись: «Жил здесь в 1929–1944 годах выдающийся спортсмен современности, легендарный вратарь Яшин Лев Иванович» (в 1944-м семья вернулась из эвакуации, где провела два с лишним года). Впрочем, подобные надписи и памятные знаки слабо останавливают желающих разрушить что-либо...

Окруженный каменными ровесниками, дом этот всё же отличается от них. Вроде те же пять кирпичных этажей, но сколько дополнительных выступов, ниш, что-то явно пристроено позже, привнесено — причем разумно и оригинально. Да и сама конструкция — вовсе не шаблонная «коробка», как у соседних домов. Для 1920-х годов очень хороший и удобный дом.

Большая яшинская семья занимала три комнаты первого этажа. Можно сказать, что жили они в коммунальной квартире? Да, конечно. У нас чуть не вся страна, исключая избранных, провела десятки лет в буйном, скандальном и, несмотря ни на что, гармоничном комнатном сообществе.

Коммуналка — это всё же не барак! Особенно когда речь идет о родственниках и сослуживцах.

Почему всё это так важно? Потому что без осознания того, где и как человек начинает свою жизнь, мы никогда не поймем, почему он стал таким, каков он есть. И без этого дома, а главное, наверное, без этого двора, не было бы замечательного мастера, олимпийского чемпиона, обладателя Кубка Европы, лучшего футболиста нашего континента 1963 года, доигравшего, напомним, на высшем уровне до сорока с лишним лет.

Сейчас — Яшин с тоской говорил это еще в 70-е — тот богородский двор неузнаваемо изменился. Лавочки, песочницы, мамы с малышами. Им-то здесь хорошо, слов нет, а вот мальчишкам-подросткам податься некуда. Проблема, которую Лев Иванович поднимал без малого 40 лет назад, — серьезнейшая. Обязательно к ней вернемся, пока же посмотрим, как дело обстояло в 1930-х.

«Совсем иное было в наше время, — пишет Яшин в книге «Счастье трудных побед», вышедшей в 1985 году. — Ты выходишь из подъезда с мячом в руках и сразу оказываешься на “стадионе” — ровном, старательно вытоптанном прямоугольнике. Ты бросаешь мяч на игровое поле — маленькое, лысое, отнюдь не идеально ровное». Как видим, слово «стадион» не зря взято в кавычки*. Да только для той ребятни утоптанная их ножонками площадка была почище «Мараканы». Весной, летом, осенью (иногда и часть зимы прихватывали) рубились в футбол. В любую погоду — дождь ли, снег, слякоть. Дотемна, пока родители не уведут.

А зимой, что поучительно, бились в хоккей с мячом — шайбу тогда к нам еще не завезли. Причем каток заливали сами. Брали санки, кадушку и возили воду из колонки, что

* Впрочем, и в более ранние времена, в 1920-е годы, силами самих трудящихся, без участия государства, строились настоящие стадионы. Например, в подмосковном Глухове работники местного текстильного комбината своими силами и на свои же деньги отгрохали изумительное сооружение с прекрасным полем, дорожками для бега, трибунами и т. п. На нем начинал великий форвард Григорий Федотов.

на другой стороне улицы. Конечно, качество льда оставляло желать лучшего. Но никто не роптал.

Однако продолжим яшинскую цитату. После того как Лёва выходил на площадку с футбольным мячом, следовал целый ритуал. «Неторопливо, словно нехотя, ведешь мяч к воротам, обозначенным сложенными в груды камнями, а сам поглядываешь на окна дома, ждешь, когда товарищи откликнутся на твой своеобразный зов. И вот уже появился один, второй, третий». Выходили мальчишки, естественно, не только из яшинского дома, обращенного к полю торцом, но и из соседних пятиэтажек. Пока народу не набиралось на две полноценные команды, матч не начинался. Били пенальти. И тут... «Становись-ка, Лёва, в ворота» — эта реплика юного партнера Яшина, по-моему, заслуживает особого внимания. Получается, что не только бомбардиром считался он на утоптанной площадке, но уже в ту пору охотно вставал в «раму» — если так можно назвать пространство между двумя грудками камней.

Когда «кворум» набирался, игра начиналась. Но не сразу.

«Сговоримся?» — этот простенький вопрос для нынешнего молодого читателя требует комментария. Дело в том, что в те времена существовал некий дворовый «рейтинг» (даже я застал такие порядки в 70–80-е годы). Во дворе всегда знали, кто играет лучше, а кто хуже. И совершенно невозможно представить, что все те, кто сильнее, собрались бы в одну команду и легко побеждали «слабаков». Нет, обе стороны обязаны были иметь футболистов самого разного уровня. А потому и делились по-честному.

Не отсюда ли, кстати, особенная яшинская порядочность, проявлявшаяся впоследствии не раз? Это во-первых. А во-вторых: не является ли «кодекс чести» богородского и подобных ему дворов примером для тех, кто умудряется умыкнуть ведущих мастеров у конкурентов в ходе чемпионата? Вопросы риторические, но, может, кто-то хотя бы задумается над ними?

В охотку играли не только в футбол и русский хоккей, но и в лапту. Эта старинная русская забава сейчас почти

вытеснена родственным ей бейсболом, что не очень радует. Но самым «элитным» видом спорта считались прыжки с трамплина.

Откуда трамплин? А сараи на что?! С них зимой и сгали на лыжах (девочки или кто помельче использовали и санки). Высота небольшая, опасности для жизни нет.

Убиться, правда, можно. «Падали, ушибались, — вспоминал Яшин, — набивали огромные синячищи, но зато учились крепко держаться на ногах, не бояться высоты, владеть своим телом». Нетрудно понять, как выработанная таким образом координация движений в дальнейшем помогла Льву Ивановичу. В сущности, он и его товарищи не знали понятия «общefизическая подготовка». Это было для них чем-то неотъемлемым, естественным. Стоит добавить и дух коллективизма, нетерпимость к подлости, вранью, трусости и, как ни удивительно для ребят из простых семей, зрелое стремление к самоорганизации. Например, в школе проводилось целых два чемпионата по футболу: для младших и старших классов. При этом соревновались как ранней осенью, так и поздней весной. Замечу, что Лев Иванович не помнил, проводились ли вообще у них уроки физкультуры. А значит, «осеннее» и «весеннее» первенства дети организовывали сами!

Всё это ушло безвозвратно в 1970-е! Яшина, помнится, огорчал массовый травматизм игроков высшей лиги. И причину он искал именно в уничтожении московских дворов и всего, что с ними было связано. «Они мало бегали, прыгали, дрались, играли в футбол, катались на коньках, взбирались на деревья в детстве, — горько констатировал Лев Иванович ситуацию с футболистами того десятилетия, — и теперь расплачиваются за это недостаточно сильными, упругими, эластичными мышцами, недостаточно прочными становыми хребтами, недостаточно крепкими нервами»^{*}.

^{*} Удивляешься прозорливости великого вратаря! Ведь в 1970-е футбольные площадки еще не сносили массово. Однако «процесс пошел», и сегодня дела обстоят много хуже.

Скажут: улицу тоже не надо идеализировать. «Уличное» воспитание восторгов никогда не вызывало. И детей до сих пор делят на «уличных» и «домашних». Что, мол, хорошего, если ребенок целый день предоставлен сам себе, а с родителями встречается лишь вечером, когда те с работы придут? Доля истины тут есть. Яшин и не скрывал: пришел из школы, бросил портфель в угол, наскоро перекусил и рванул во двор. Как-то не прослеживается здесь такой компонент, как тщательное выполнение домашних заданий. Несомненно, был бы кто из родителей всё время дома, мальчик больше бы времени проводил за книжками и тетрадками. Однако родители такого позволить себе не могли — к тому же мама, к несчастью, скончалась в 1935 году, то есть еще до поступления Лёвы в первый класс.

Да, признаемся: вряд ли маленькие богородские любители футбола и хоккея, в том числе и Лев, составляли гордость школы, и портреты их вряд ли красовались на Доске почета. В воспоминаниях голкипера о школе вообще говорится очень мало, не назван по имени никто из учителей. Единственный штрих: припомнив, что в его школе не было физкультурного зала, Яшин весьма язвительно отметил его отсутствие и к 1976 году*. Обо всем этом надо говорить честно, скрывать тут нечего.

* По поводу зала приведем любопытное свидетельство австрийского журналиста Курта Частки, автора известной книги «От Заморы до Яшина». Частка, бывавший у Яшиных в доме, сообщает, что Лев в детстве был чемпионом школы по фехтованию и шахматам. Исследователи снисходительно не комментируют высказывание австрийца. Между тем оно заслуживает внимания. Разумеется, ни о каком фехтовании в школе, да еще в отсутствие физкультурного зала, и речи быть не могло. А вот посражаться на каких-нибудь прутьях, палочках мальчишки вполне могли. И если одно из победных для Лёвы состязаний европеец принял за школьный чемпионат — то это обычное недопонимание советских реалий. Что же касается шахмат — здесь дело иное. В Советском Союзе эта игра получила огромное развитие. В отличие от Австрии. И Курт очень хочет поверить в успехи Яшина. Тот играл неплохо и, конечно, что-то выигрывал во дворе у товарищей. Но для победы в первенстве школы в то время надо было играть чуть ли не в силу сегодняшнего кандидата в мастера спорта! Так что и тут Частка, вероятно, не вполне понял своего собеседника. Он не обманывает. Просто нелегко осознать самое элементарное, если ты из другого мира.

Но не стоит перегибать палку и в другую сторону. А именно: называть тех дворовых ребятишек шпаной. Потому что шпана — это уже на грани чего-то криминального. Ничего подобного Лёва и его друзья не совершали. Самое «страшное» из того, о чем рассказывал о себе вратарь, это самодельные пистоны, которые подбрасывали на трамвайные рельсы. «Пистоны взрывались под колесами автоматной очередью, разъяренный водитель выскакивал из кабины, а мы, спрыгнув с подножки, мчались врассыпную. Надо было только добежать до ближайших ворот. Уж там, в лабиринтах богородских проходных дворов, мы были неуловимы». Надеюсь, читатель обратил внимание на слово «спрыгивали»? То есть ребята катались на буферах и подножках трамвайных вагонов. Это, безусловно, риск, и довольно глупый. Но что возьмешь с мальчишек семи или восьми лет?

И всё же постоянно повторять, как это делают биографы, что в какой-то момент «Лёва отбился от рук», я бы не стал. Он не воровал, не грабил, не хулиганил. К сигарете пристрастился лишь в 13 лет и при обстоятельствах, до которых мы еще доберемся. Ну а то, что мальчик пришел как-то домой зареванный и в одном валенке, неудачно покатавшись на том самом проклятом трамвайном буфере (знал бы Лёва, как этот валенок перевернет всю его жизнь!), без сомнения, — факт малоприятный, потому что валенки новые надо покупать, а это деньги, — однако преступного умысла явно не содержит.

А что такое по-настоящему «отбиться от рук», проиллюстрируем эпизодом из детства старшего современника Яшина (девять лет разницы), его предшественника на вратарском посту «Динамо» Алексея Хомича, который вышел примерно из той же социальной среды, что и Лев Иванович.

Алёша тогда только окончил четвертый класс. А сестренке Райке не исполнилось и годика. Мальчишки звали Хому на футбольное ристалище, однако тот должен был дожидаться, пока Рая заснет. Затем заворачивал ее в одеяло, брал на руки

и спускался вниз. После чего от метрового кола во дворе отмерял шесть шагов и (внимание!) вместо второй штанги укладывал сестру. Дальше начиналась игра. Годы спустя Хомич рассказывал знаменитому журналисту Льву Филатову: «Райка спала, а мы бились. Так я вам скажу: под ту руку, где она лежала, забить мне было невозможно. Вот что мы, дураки, вытворяли! Если бы я увидел своего сына за таким делом, не знаю, что бы с ним сделал».

...Да уж. Можно представить себе состояние мамы Алексея, когда она узнала (а это всё же случилось) о сыновьих хулиганствах! Проследить за маленьким изувером она не могла: работала всё время. А рос Алёша без отца. Вот тут и разница между Хомичем и Яшиным. У Льва отец был. И потому ничего подобного в богородском дворе случиться не могло.

Иван Петрович был шлифовальщиком оборонного авиационного завода № 500. Его в войну даже перепрофилировать оказалось не нужно — поскольку он и так военное предприятие. Можно себе представить уровень дисциплины на том авиационном «пятисотом», да еще в 1930-е годы, когда за опоздание могли и посадить. Туда и устроиться было непросто, а уж удержаться — особенно тяжело. Иван Яшин не только проработал много лет, но и заслужил уважение коллег и начальства. В ином случае на сверхурочные работы его бы не оставляли. Да и то, что в итоге не взяли на фронт, дали «бронь», говорит само за себя. Выходит, есть все-таки незаменимые — и яшинский отец оказался необходим в тылу. В общем, трудолюбие, исполнительность, педантичность Льва Ивановича тоже идут из детства. И некоторые вольности двора уравнивались авторитетом отца.

Лев рано потерял мать. Но жили они вдвоем с Иваном Петровичем недолго. История с валенком имела продолжение. По поздним воспоминаниям Ивана Петровича, именно тогда, глядя на заплаканного и наполовину босого сына, он понял: ребенку нужна мать. После чего весьма быстро женился на Александре Петровне, ставшей для Лёвы родной

матерью. По крайней мере, в опубликованных мемуарах Яшин ее так и называет.

Боже упаси хоть на йоту усомниться в искренности слов Ивана Петровича. Однако стоит признать: мужчина не всегда женится лишь с той целью, дабы у его сына появилась вторая мать. Младший брат Льва Борис появился на свет уже в 1939 году. Таким образом, заявила права на существование новая счастливая семья.

Вроде бы жить-поживать в радости. Но приходит беда, безжалостно сокрушившая самые оптимистичные планы. В июне 1941-го одиннадцатилетний Лёва был отправлен к родственникам под Подольск и собирался отдохнуть со вкусом и по полной программе: походы за грибами, купание в речке, футбол с местными, ну и любимая на всю жизнь рыбалка. Не вышло. Война. Пришлось вернуться с Александрой Петровной в Москву. Потом будет «мини-эвакуация» под Воскресенск, куда вывезли всю школу, спасая детей от бомбежек. Яшин очень интересно описывает настроение сверстников в первые дни войны. Пока еще они оставались детьми: «Мы еще, конечно, не понимали, да и не могли понимать смысла этого слова — “война”. Мы, правда, с малых лет слышали его и ежедневно стократ повторяли сами, начиная нашу очередную детскую игру. И теперь еще по инерции продолжали относиться к войне как к игре».

У них во дворе была еще одна забава: «казаки-разбойники». Сидя в еще не снесенных тогда сараях, ребята разрабатывали «военные» планы, имея противником розовощеких обитателей соседнего дома, которые в таком же сарае готовились к контратаке. Но всё это было «понарошку», а тут появилась возможность наблюдать войну настоящую, «всамделишную»...

Поразительно, как скоро, всего через несколько месяцев изменится его представление о грядущей беде.

В октябре отцовский завод с семьями рабочих эвакуировали под Ульяновск. Точнее сказать нельзя: никакого адреса

не существовало, ибо и помещения-то не было. Оборудование разгружали в голой степи. «Этот день, — пишет вратарь в книге «Счастье трудных побед», — я могу с полным основанием считать последним днем своего детства».

В принципе, на этом главу «Детство» можно было бы закончить. Но я не стал этого делать. Так как, во-первых, 11 или даже 13 лет — в любом случае это еще детство. Пусть взрослое, невыносимо тяжелое, но детство. А во-вторых... Есть в словах Льва Ивановича некая потаенная горечь. Как у А. М. Горького в названии «Мои университеты»: известно же, что классика не довелось окончить по сходным с Яшиным причинам даже средней школы. Поэтому продолжим рассказ.

* * *

...Ползими через степь таскали станки и устанавливали их под открытым небом. Потом строили завод. Разумеется, посильное участие принимали все — и дети в том числе. Жили голодно. Кормить, как говорится, никто не обещал. Посему Лёва с отцом ездили в ближайшую деревню (20 километров) и меняли там отобранные Александрой Петровной вроде как ненужные вещи на картошку, брюкву, муку, овсянку, которые привозили домой на санках.

К концу зимы завод пустили. Лев Иванович вспоминает тонкую и прямую как струна тропинку в снегу, ведущую от ими же выстроенных бараков на завод, ими же построенный. По ней и шли, экономя силы перед воистину каторжной работой.

А весной 43-го четверо молодых ребят из цеха Ивана Петровича ушли на фронт. Заменить их в степи под Ульяновском было некем. И отец взял сына на завод учеником слесаря.

Так, в 13 лет начался трудовой путь Льва Яшина. Мать подшила ему отцовскую спецовку, и вот они уже вместе встают в шесть утра и по той тоненькой тропке идут к светящимся заводским огням.